

18+



*Эротический*

*роман*

*Ваза для  
одного цветка*

Автор

*Бесконечный Лева!!!*

Лёва Бесконечный

**Ваза для одного цветка**

«Издательские решения»

## **Бесконечный Л.**

Ваза для одного цветка / Л. Бесконечный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696082-4

«Ваза для одного цветка» — роман-документ о любви как зависимости. Лёва и Гаечка заключают опасное соглашение: пока в вазе жив цветок — живы они. Чтобы правило не умерло, они превращают отношения в серию жестоких экспериментов над страстью и болью. От ролевых игр на скорости до молчаливых войн, где примирение приносит только секс-анестезия. Это не выдумка. Это протокол настоящей любви, где каждый шаг — риск, а дозу приходится увеличивать постоянно.

ISBN 978-5-00-696082-4

© Бесконечный Л.  
© Издательские решения

# Ваза для одного цветка

## Лёва Бесконечный

© Лёва Бесконечный, 2026

ISBN 978-5-0069-6082-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

### Глава первая. Проволка на пальце.

Осенний воздух был холодным и прозрачным, как горный хрусталь. Мы с Семёном сидели в его тёплой машине у сияющего золотом фасада. Внутри пахло безопасностью и суккой. Рядом сидели две тени с надушенными улыбками – знакомые пятиминутной давности. Я смотрел в окно и видел, как жизнь проходит мимо.

И тут они вышли из такси. Две фигуры в вечерних платьях, вышедшие из чёрной кареты, как из сказки. Одна – на каблуках, тонких, как лезвия. Другая – её подруга – шагала увереннее. Они спорили с водителем, потом махнули рукой и пошли, и их смех, чистый и дерзкий, пробился сквозь стекло и убил нашу искусственную тишину.

И я увидел её. Ту, что была подругой. Не ту на каблуках, а другую. Её я увидел не глазами – душой. Как будто всё внутри перезапустилось, и на экране высветилось одно-единственное слово: «ОНА».

И в этот миг её подруга оступилась. Звук сломанного каблука прозвучал, как выстрел. Она рухнула на асфальт, и тёмная кайма крови тут же обрисовала её колено.

Я вылетел из машины. Не думая. Подбежал, опустился рядом. Мир сузился до ссадины на колене, до дрожащих рук девушки на асфальте – и до неё. Она стояла рядом. Не кричала, не суетилась. Стояла и смотрела на меня. Её взгляд был спокойным, глубоким, как ночное озеро. В нём читалось всё: и тревога за подругу, и оценка ситуации, и... интерес. Жгучий, немой интерес ко мне. К тому, кто вышел из машины и опустился на колени на холодный асфальт.

Я взял ногу её подруги, зафиксировал, крикнул Семёну за льдом. А сам смотрел на неё. На Гаечку. Мы не сказали ни слова. Но в тишине, пока Семён бегал, мы познакомились на всю оставшуюся жизнь. Её глаза говорили: – Кто ты? – Мои отвечали: – Тот, кого ты ждала.

Лёд, водка, быстрые движения – всё это было ритуалом, фоном для главного. Для молчаливого диалога наших взглядов. Когда мы помогли её подруге подняться, Гаечка перед уходом обернулась. Посмотрела на меня и сказала тихо, но так, что каждый звук врезался в память:

– Увидимся внутри.

И ушла. А я остался с чувством, будто мне вручили ключ от рая.

В клубе мы нашли их сразу. У барной стойки. Музыка била в уши, свет резал глаза, но я шёл сквозь толпу, как по тоннелю. В конце этого туннеля была только она. Всё остальное – шум, люди, Семён – растворилось, стало нерезким фоном.

Мы не здоровались. Мы просто подошли друг к другу, и я взял её за руку. Её ладонь была маленькой и тёплой. И мы пошли танцевать. Мы танцевали, не разжимая рук. Мир кружился вокруг, а мы были его неподвижным центром, его осью. Я смотрел в её глаза и тонул в них. В них была вся вселенная, которую я искал.

Потом мы уехали. Всей четвёркой. К нам. В мою квартиру. Семён и её подруга растворились где-то на кухне, а мы остались в гостиной, где горел только свет уличного фонаря за окном.

Я принёс бутылку шампанского, которую мы не допили. Мы сидели на полу, прислонившись к дивану, и пили из одного бокала, передавая его друг другу. Говорили ни о чём и обо всём сразу. Её голос был тихим и густым, как мёд. Каждое её слово я ловил, как драгоценность.

А потом я взял бутылку. Остатки шампанского плескались на дне.

Я взяла вторую и крайнюю бутылку уже охлаждённого шампанского и сильным, точным движением большого пальца выстрелил пробкой в потолок. Звук был счастливым и громким.

Металл был жёстким, холодным. Я не планировал этого. Руки сделали всё сами. Согнули, скрутили, придали форму. Получилось грубое, несовершенное кольцо с концом, загнутым в спираль, как хвост кометы.

Я встал. Опустился перед ней на одно колено. Пол под коленкой был твёрдым, но это было единственное твёрдое в эту секунду. Всё остальное плыло.

Я взял её руку. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых отражался тусклый свет из окна и всё моё будущее.

– Я не знаю, как это правильно – начал я, и голос дрогнул. – Я знаю только, что с той секунды, как увидел тебя, я перестал дышать. Ты не вошла в мою жизнь. Ты её взорвала. И я не хочу, чтобы когда-нибудь закончился этот взрыв. Будь моей. Будь моей женой, моей судьбой, моим вдохом и выдохом. Навсегда.

Я не спросил. Я заявил. И одел это грубое, тёплое от моих пальцев проволочное кольцо ей на безымянный палец.

Она смотрела на кольцо. Потом подняла на меня глаза. И в них не было слёз. Была такая ясная, такая оглушительная радость, что у меня у самого подступил ком к горлу.

– Да, – прошептала она. Потом сказала громче, твёрже: – Да. Тысячу раз да!!!!

Она потянула меня за кольцо на себя, и мы упали на пол, смеясь и целуясь. А потом смех оборвался.

Её смех сменился тихим, прерывистым дыханием прямо у меня под ухом. Я приподнялся, чтобы увидеть её лицо. Оно было серьёзным, почти строгим. Она смотрела на меня не как на жениха, а как на открытие. Как на землю, на которую ступила первой.

– Лёва – произнесла она, и моё имя в её устах стало священным.

Я ответил не словом. Я начал снимать с неё платье. Оно было сложным, с застёжками, но под моими руками рассыпалось, как паутина. Оно соскользнуло с её плеч, обнажив кожу, которая в полумраке светилась, как жемчужная внутренность раковины. Я целовал каждую открывшуюся часть. Ключицу, ту впадинку у основания горла, где бился пульс – бешеный, как у пойманной птицы. Плавную линию от груди к талии. Она лежала неподвижно, только её живот вздымался короткими, резкими толчками.

Потом её руки нашли мою рубашку. Она не разбирала пуговицы – она рвала. Звук рвущейся ткани был диким и правильным. Хлопки пуговиц, отскакивающих по полу, стали барабанной дробью нашего ритуала. Её ладони прижались к моей груди, к животу, и я почувствовал, как её пальцы запоминают рельеф мышц, шрамы, всё.

Мы не вставали с пола. Пол был нашим алтарём. Я сбросил с неё последние лоскуты одежды. Она помогла мне освободиться от моей. И вот мы лежали голые, в луже света от уличного фонаря, и просто смотрели. Друг на друга. На новую, неизведанную страну, в которую нам предстояло войти вместе.

Я опустил голову между её бёдер. Она вскрикнула – не от неожиданности, а от признания. Её руки вцепились мне в волосы, не толкая и не притягивая, просто держась, как за якорь. Я дышал её запахом – солёным, сладким, бесконечно чужим и своим. Искал её языком, находил, и каждый раз, когда находил ту самую, самую чувствительную точку, всё её тело выгибалось в немой мольбе.

Но я не давал ей закончить. Я отрывался, поднимался, целовал её в губы, давая ей вкус самой себя. Потом снова опускался. Я мучил её. Я боготворил её. Я был и учеником, и учителем на этом уроке плоти.

– Теперь. – наконец выдохнула она, и в этом слове была не просьба, а приказ. – Лёва, – теперь. Войди в меня.

Я вошёл. Не сразу. Медленно, преодолевая сопротивление, которое было не физическим, а каким-то космическим. Это было не проникновение. Это было возвращение на родину. Её глаза широко открылись, зрачки расширились, поглотив весь свет комнаты. Она обвила меня ногами так плотно, что казалось, она хочет сломать мне рёбра. Её руки впились в мои лопатки.

И мы начали двигаться.

Это не был секс. Это было сражение за новый мир. Каждое движение было открытием. Каждый толчок – клятвой. Мы не закрывали глаза. Мы смотрели друг другу в лицо, наблюдая, как на нём отражается нарастающая волна. Я видел, как её губы разъезжаются в беззвучном крике, как шея вытягивается, как на лбу выступают капельки пота. Она видела, как я теряю контроль над чертами лица, как оно становится чужим, диким, настоящим.

Ритм родился сам. Быстрый, неистовый, безжалостный. Пол скрипел под нами. Мы двигались в такт нашему общему сердцебиению, которое уже стучало в унисон. Воздух наполнился звуками – хриплым дыханием, приглушёнными стонами, шёпотом имён, которые мы повторяли, как мантру.

Она кончила первой. Беззвучно. Её тело просто затряслось изнутри, как будто по нём прошла электрическая волна. Она зажмурилась, и из её глаз выкатились две тяжёлые слезы. Я почувствовал, как её внутренности сжались вокруг меня, и это сжатие вырвало оргазм и из меня. Он накатил не взрывом, а долгим, бесконечным извержением. Я рухнул на неё, приглушив свой крик в её мокром плече, и мир перевернулся.

Мы лежали. Дышали. Дрожали. Смешивая пот, запахи, жизни. Проволочное кольцо на её пальце холодным ободком впивалось мне в грудь.

Через час, может, два, мы допили то шампанское, что осталось на дне бутылки. Прямо из горлышка, передавая друг другу. Сидели на полу, прижавшись спинами к дивану, укрытые моим пиджаком. Где-то на кухне тихо смеялись Семён и её подруга. У них была своя история. А у нас – своя. Только что начавшаяся.

Под утро, когда за окном посветлело, она повернула ко мне своё лицо, исцарапанное щетиной и счастьем.

– А где мы будем хранить наш договор?

Я не понял.

– В вазе, – предложил Я – Для одного цветка. Я буду приносить тебе цветок. Один. Пока он жив – мы живы. Как только он увянет – принесу новый. Это будет наша жизнь. По цветам.

Я обнял её и понял, что это и есть самый честный брак на свете. Не печать в паспорте, а бесконечный цикл свежих цветов и её улыбка, когда я приношу новый.

Утром мы пошли и купили её. Вазу. Из синего стекла. Для одного-единственного цветка.

Так началась наша вечность. С кольца, которое нельзя снять, не сломав.

... Так родился наш закон: пока в вазе живёт цветок – жива и наша весна. Это была клятва, высеченная не в камне, а в хрупких лепестках. Но первое испытание закону предстояло пройти почти сразу. Оно началось не с цветка, а со сломанного каблука, хлопка пробки и кольца, скрученного на колене из проволоки. Оно началось с того вечера, когда жизнь, проходившая мимо, наконец, остановилась и вошла в дверь.

**Глава вторая. Игра на скорость.**

«Так началась наша вечность. С кольца, которое нельзя снять, не сломав.»

Первая неделя вечности пахла её кожей, металлом кольца и тишиной, которая звенела после взрыва. Мы были пьяны друг другом, но пьянство это было тихим, домашним. Оно

пугало своей возможной обыденностью. Я чувствовал, как под тонкой плёнкой новизны зреет потребность в новом правиле, новом вызове. Нельзя было позволить этому огню стать просто тёплым очагом.

Его нужно было раздуть. И я нашёл способ. Не в постели, а на скорости. Не в тишине, а в рёве электрического мотора и свисте ветра в ушах. Следующая глава нашей книги должна была быть написана не на простынях, а на асфальте.

Воздух после того вечера стал другим. Он стал нашим сообщником. Он приносил запах её духов в мою квартиру даже когда её не было, и шептал о том, что ничто не может быть как раньше.

Через несколько дней мы снова оказались у того же ресторана. Но теперь мы были одни. Семён и её подруга остались где-то в своей вселенной, а наша вселенная помещалась на одном электрическом самокате.

Он гудел под нами недовольным шершнем. Я сидел сзади, управляя. Она – впереди, спиной ко мне, её тело идеально вписалось в изгиб моего тела, как последний пазл. Мои руки на руле охватывали её бедра. Её руки лежали поверх моих, а потом одна из них отпустила руль и обвила мою шею, притягивая мою голову ниже, к своему лицу.

– Поехали, племянник, – прошептала она прямо мне в ухо. Голос был низким, игривым и совершенно не её. В нём появились новые, бархатные нотки. – Тётя сегодня устала. Отвези меня домой.

Игра началась. Не в тёплой квартире, а здесь, на холодном ночном асфальте, под рокот мотора.

Я нажал на газ. Самокат рванул вперёд, и её смех смешался со свистом ветра. Она надела на нас один наушник пополам. Из динамика лилась гипнотическая, пульсирующая мелодия – тот самый dream house, бит которого совпадал с бешеным стуком моего сердца. Это был наш саундтрек к побегу.

Мы неслись. Фонари сливались в золотые нити, прохожие отскакивали, как кегли. Мы обгоняли машины, кричали от восторга, и она, моя «Тётя», всё крепче прижималась ко мне, её губы касались моего уха.

– Ты ведь никогда не был с женщиной, правда, племянничек? – её шёпот перебивал музыку и вой ветра. Он был интимным, как прикосновение в тёмной комнате.

Я кашлянул, пытаюсь войти в роль. Голос срывается.

– Н-нет, тётя. Не был.

– И не знаешь, на что это похоже? – её рука сползла с моей шеи, скользнула по груди, едва касаясь, и легла мне на живот. Каждый нерв под кожей взорвался фейерверком. – На что похоже желание?

Я не отвечал. Я просто гнал самокат быстрее, пытаюсь убежать от этого голоса, который догонял меня, куда бы я ни поехал. Она рассказывала. Шёпотом, отрывисто, в такт ударам баса в наушниках. Рассказывала, как это бывает. Какие бывают прикосновения. Какие бывают звуки. Какая бывает боль и какая благодать. Она не описывала нас. Она описывала некоего мифического «племянника» и «тётю», но каждое слово било точно в цель, в самое тёмное и возбуждённое нутро.

Город мелькал сюрреалистичным блюром. Мы мчались уже не куда-то, а от самих себя, от границ приличий, которые сами же и устанавливали этой игрой. И в этом беге была своя, сумасшедшая правда.

И тут она резко сжала мою руку на руле.

– Смотри, – выдохнула она, и игривости в голосе не осталось. Осталась чистая, звериная решимость. – Кусты. Густые. Как в той сказке про спящую красавицу. Готов ли ты, племянник? Готов ли ты завести туда свою тётю и потерять то, что хранил так долго?

Я даже не взглянул. Я просто рванул руль в сторону. Самокат съехал с дорожки, подпрыгнул на бордюре, и мы влетели в тёмную чащу декоративных елей и дикого шиповника. Ветки хлестали по ногам, цеплялись за платье. Я вырубил мотор. Нас поглотила тишина, нарушаемая только нашим прерывистым дыханием и далёким городским гулом.

Мы соскользнули с самоката. Он упал в траву. Мы стояли друг против друга в синей, почти чёрной темноте. Её глаза блестели, как у хищницы, вышедшей на охоту. Она была совершенно серьёзна.

– Ну что, мальчик, – сказала она уже своим, обычным голосом, но в нём дрожала та же сталь, что и в игровом. – Ты готов к уроку?

Это был не вопрос. Это была точка невозврата.

Она шагнула ко мне, и её пальцы нашли пряжку моего ремня. Звук расстёгивания был громче, чем рёв самоката. Потом её руки легли мне на плечи, и она мягко, но неумолимо опустила меня на колени. Я оказался перед ней на влажной от росы земле, лицом к её животу.

– Первое правило, – её пальцы впелись в мои волосы. – Внимание к деталям.

И она начала свой урок. Медленно, методично, с холодной страстью режиссёра, который ставит сцену. Она командовала. Прикоснись сюда. Поцелуй тут. Дыши так. Каждое её указание было ударом тока. Я был марионеткой, и каждая моя струна была натянута до предела. Я выполнял, теряя остатки себя в этой роли, которая вдруг перестала быть ролью и стала новой, пугающей и невероятно сладкой правдой.

Она сняла с меня рубашку, но не позволила мне снять с неё платье до конца. Только сдвинула ткань, открывая ровно столько кожи, сколько было нужно для следующего «кадра». Её прикосновения были то ласковыми, то жёсткими, то невероятно нежными. Она исследовала меня, как новый инструмент, и учила, как на нём играть. Играть для неё.

Когда она наконец позволила мне войти в неё, это не было триумфом. Это было посвящением. Я вошёл в неё, глядя снизу-вверх, а она смотрела на меня сверху вниз, и в её взгляде была не только похоть, но и какое-то бездонное любопытство и странная нежность. В этой позе, в этих ролях, мы открывали друг в друге что-то совершенно новое.

Мы двигались в такт тому самому биту, который всё ещё пульсировал у нас в одном наушнике. Земля была холодной и колючей. Запах хвои, влажной земли и её возбуждения сводил с ума. Она кончила молча, просто запрокинув голову и закусив губу, а её внутренности сжались вокруг меня с такой силой, что я выл, впиваясь лицом в ткань её платья на животе.

Потом мы лежали, сбросив маски, просто Лёва и Гаечка, два сумасшедших человека в кустах в центре ночного города. Она смеялась тихим, счастливым смехом.

– Как тебе первый раз, племянник? – спросила она, целуя меня в лоб.

– С тётей – лучший, – хрипло ответил я.

Возвращаясь пешком, таща самокат за руль, я сорвал ветку шиповника с алыми, уже прихваченными морозцем ягодами. Дома я поставил её в вазу. Колючая, стойкая, с каплями нашей ночи на листьях. Она простояла недолго, но пока её ягоды сохраняли цвет, я помнил каждый её шёпот на скорости, каждый удар сердца в такт музыке и тот взгляд «Тёти», который подарил мне новое измерение наслаждения – измерение абсолютной власти и абсолютного доверия.

Шиповник простоял недолго, но пока его ягоды алели на окне, я понимал: игра с ролями и скоростью – лишь первый слой. Чтобы не задохнуться, нам нужно было пространство. Не городское, а настоящее. Грязь под ногами, вода, дождь, палатка. Нужно было сменить декорации, чтобы увидеть друг друга без масок, которые сами же и надели. Следующая история родилась из ссоры, из желания убежать, и привела нас к озеру, где стихия вымыла из нас всё лишнее, оставив только мокрые, дрожащие от холода и восторга тела под берёзами. Это был не побег, а возвращение к чему-то более важному.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.